

Семь лет превратили вежливого, послушного и прилежного юношу в такого колючего Чжуан И — дерзкого, опустившегося, холодного.

Время шло быстро и безжалостно, словно обладая какой-то темной магией. Чжуан И вырос там, где он его не видел, и принес с собой раны, которые он тоже не видел.

Время стерло свет с Чжуан И, его заострили и сделали замкнутым, полным дурных привычек.

То прошлое, в котором он не участвовал, тот рост, в котором у него никогда не было возможности участвовать.

В сердце Ли Цинхая было больно, в его голосе прозвучала легкая уговорчивая нотка:

— Что ты пережил за эти семь лет? Расскажи мне.

Спина и плечи Чжуан И мгновенно напряглись.

Он сказал:

— Нет.

Он стоял спиной к Ли Цинхаю и холодно произнес:

— Нет, не хочу. С какой стати я должен тебе рассказывать?

— Чтобы ты снова узнал меня, снова обманул, а затем снова выбросил? Не дожدهшься.

В сердце Ли Цинхая стало невыносимо больно. Он сделал несколько шагов вперед и резко обнял Чжуан И сзади!

Чжуан И опешил, а затем начал яростно вырываться!

— Не двигайся, не двигайся! — Опынев, Ли Цинхай с трудом сдерживал его, используя преимущество в росте и весе, чтобы зафиксировать его в объятиях. Он умоляюще прошептал Чжуан И на ухо:

— Дай брату немного тебя обнять, пять минут, всего пять минут!

— Какой ты мне, к черту, брат, ты не мой брат! — взревел Чжуан И. — Мой брат умер, мой брат сдох семь лет назад, черт возьми!

Когда на него выливали грязную воду и мочу, когда его пинали на полу в туалете, когда вся школа смотрела на него с презрением и называла извращенцем, когда кучка подонков заперла его на свалке и приставила к горлу нож!

Где был этот человек? Этот человек, который говорил ему, что в этом нет ничего плохого, который сам привел его на этот путь, который заставил его полюбить мужчину, который обманул его сердце? Где он был?!

Где он был, черт возьми?!

В семье Ли, среди богачей, в центре всеобщего обожания, жил своей богатой и славной жизнью второй молодой господин Ли!

Научил его летать, а затем своими руками сломал ему крылья.

Глаза Чжуан И наполнились влагой, в горле встал ком, дышать стало трудно.

Его голос был хриплым и полным боли:

— Ли Цинхай, ты меня жалеешь? Мне не нужна твоя жалость.

Ли Цинхай, обнимая Чжуан И, невольно дрогнул рукой и обнял его еще крепче, словно так он мог стать ближе.

Его голос охрип:

— Не жалость. Брату тебя больно.

Чжуан И стиснул зубы!

И все же одна капля упала на руку Ли Цинхая, неся тепло тела, словно пытаясь выжечь шрам в его сердце.

Оба больше не говорили. Через некоторое время Чжуан И толкнул его, его голос был сильно охрипшим:

— Пять минут прошло, отпусти.

Ли Цинхай перевел дух и неохотно отпустил его.

Чжуан И взял чашку, налил ему кипятка, поставил чашку на край раковины, пнул ногой мешавший на пути совок обратно на место, где тот был при входе, и вышел.

Треть воды расплескалась. Ли Цинхай взял чашку, сделал маленький глоток — было так горячо, что губы и язык горели.

Чжуан И быстро принял душ, а когда вышел, Ли Цинхай уже сидел на диване, маленькими глотками потягивая воду, которую тот ему налил.

Чжуан И не обратил на него внимания, зашел в гостевую комнату, открыл шкаф, нашел пижаму Цзоу Кая и новое полотенце, положил на диван.

Ли Цинхай взглянул на пижаму:

— Твоя?

— Чужая, — сказал Чжуан И.

Ли Цинхай был на целую голову выше него, его одежда на том бы не сошлась.

Ли Цинхай сказал:

— Тогда не буду надевать.

Раздражение Чжуан И снова поднялось, он резко бросил:

— Тогда ходи голым!

Ли Цинхай беспомощно вздохнул:

— Ладно.

— Так и буду голым, — сказал он.

Чжуан И с грохотом захлопнул дверь спальни.

Ли Цинхай допил воду, снял галстук и бросил на стол, затем принялся расстегивать пуговицы рубашки.

Расстегнув половину, Чжуан И снова вышел, скользнул взглядом по его обнаженным грудным мышцам, слегка приподнял бровь и, не дав Ли Цинхаю заговорить, швырнул принесенную одежду ему в объятия, после чего, не проронив ни слова, развернулся и вернулся в спальню.

Дверь спальни снова закрылась, похоже, сегодня ночью она уже не откроется.

Ли Цинхай прижал одежду к себе, вдохнул запах — свежий аромат стирального порошка.

Он не смог сдержать улыбку, взял одежду и пошел в ванную.

Ванные в старых домах маленькие, на стене рядом с унитазом висел водонагреватель. Зайдя, Ли Цинхай осмотрелся: зубные щетки, стаканы, полотенца и прочие принадлежности были в двойном экземпляре.

Это того молодого артиста по имени Цзоу Кай?

Ли Цинхай скрипнул зубами, перебрал эти вещи. Хорошая новость: одним комплектом явно давно никто не пользовался. Плохая новость: Чжуан И только что вернулся из дома того человека, где прожил несколько дней.

У Ли Цинхая застучало в висках, он с трудом сдержался, чтобы не выбросить эти раздражающие вещи в мусорное ведро.

В ванной было тесно, негде было повесить одежду. Ли Цинхай снял ее, скомкал и бросил на стиральную машину, встал под душ и открыл кран.

Горячая вода, полившись на голову, немного успокоила его.

Шампунь и гель для душа стояли на маленькой полочке рядом. Ли Цинхай взял их, посмотрел — как и в детстве, любил лимонный запах.

В детстве он не придавал этому значения, Ян Пин покупала что придется, но потом Чжуан И часто мылся у него дома, и все купили с лимонным запахом, как тому нравилось.

Ли Цинхай вымылся, и от него пахло свежим лимоном — точно так же, как от Чжуан И.

Он переоделся в спортивную футболку и шорты, которые дал Чжуан И, взял свою одежду, вышел из ванной и отправился в гостевую комнату.

Обстановка в гостевой была еще более небрежной: только кровать, шкаф и две тумбочки, даже ночника не было, на стене висели оставленные предыдущими хозяевами розовые детские постеры.

В комнате повсюду чувствовалось равнодушие Чжуан И.

Ли Цинхай лег на кровать. На тонком одеяле витал тот же запах стирального порошка, что и на одежде. Матрас был жестковатым, лежать было не очень удобно.

Занавески в этой комнате были тонкими, ночной свет легко проникал внутрь. У Ли Цинхая был плохой сон, он привык к темным, светонепроницаемым шторам дома и предполагал, что сегодня не уснет.

Но едва эта мысль промелькнула у него в голове, как он незаметно для себя уснул.

И проспал крепко, без сновидений.

На следующее утро Ли Цинхай проснулся лишь тогда, когда в комнату вошел Чжуан И.

Его сознание было еще неясным, глядя на яркий дневной свет в комнате, он спросил:

— Уже рассвело?

Чжуан И закатил глаза:

— Уже почти девять!

Ли Цинхай:

— ?

Чжуан И встретился с его затуманенным взглядом и убедился, что тот действительно только что проснулся.

Он вошел в комнату и с грохотом раздвинул шторы. Яркий солнечный свет хлынул внутрь.

— Я скоро выйду, вставай, — сказал Чжуан И и вышел.

Ли Цинхай сел на кровати, глядя на пылинки, танцующие в солнечных лучах, и слегка замер.

Он уже не помнил, когда последний раз так спал. Всегда просыпался в пять-шесть утра, а иногда и вовсе не мог заснуть всю ночь.

Картина Чжуан И, лежащего в реанимации, постоянно преследовала его в кошмарах. Он боялся видеть эту сцену, но боялся и забыть облик Чжуан И, если слишком долго ее не видеть. Ночь заставляла его одновременно и ждать, и сопротивляться.

А теперь он в гостевой комнате Чжуан И, на залитой солнцем кровати, проснулся естественным образом, и его дух, словно впитавший солнечный свет, был давно забытой бодростью и свежестью.

Ли Цинхай, шлепая в тапочках, вышел из спальни с ленивостью только что проснувшегося человека и спросил Чжуан И:

— Что на завтрак?

Чжуан И без выражения лица ответил:

— Лапша быстрого приготовления.

Удовлетворение Ли Цинхая поубавилось, выпавшись, в нем пробудилась капризность юных лет:

— И это все, чем ты меня угостишь?

На лбу у Чжуан И задрожала жилка:

— Ты, черт возьми, проспал почти до девяти и еще чего-то хочешь? Только лапша, не хочешь — как хочешь!

Ли Цинхай нахмурился:

— Не ругайся.

Чжуан И:

— А ты мне что...

Ли Цинхай перебил его:

— Я приготовлю, а ты веди себя прилично. Приготовлю тебе завтрак.

Губы Чжуан И дрогнули, он с силой проглотил оставшуюся половину ругательства.

Он взглянул на Ли Цинхая:

— Твои руки еще могут готовить?

Ли Цинхай посмотрел вниз вслед за его взглядом. Пальцы правой руки, которые ему накануне с силой разжимали, а затем прищемили дверью, в суставах были красными и опухшими, словно несколько морковок.

Он пошевелил ими, безразлично сказав:

— Ничего. Когда-то на улице подрался, руку сломал, но все равно тебе готовил.

Чжуан И ничего не ответил.

<http://bllate.org/book/15623/1395008>